

Глава 9

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ¹

История войн показывает, что священники не так уж редко оказываются вовлеченными в боевые действия. Но их миссия заключается не в применении оружия на поле боя против врага. Они являются значимой частью системы поддержания высокого боевого духа у военнослужащих практически всех армий эпохи позднего Модерна и современности. Внешняя сторона подобной деятельности полковых священников, капелланов и других священнослужителей достаточно хорошо описана и исследована в научной литературе. Однако большой интерес и сложность для исследования представляет моральный опыт, который священник получает, находясь в зоне боевых действий или на поле боя.

Православный священник на войне является многоаспектной социальной фигурой. В нем сходятся, казалось бы, несовместимые вещи: проповедь идеалов христианской любви и оправдание (в той или иной форме) практики организованного насилия, которой являются войны Модерна и современности. Главной задачей армии на войне является осуществление организованного насилия против армии другого государства. При этом религиозный аспект в войнах эпохи Модерна всегда играл важную роль. Это приводит к парадоксу — необходимо

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

инсталлировать в практику организованного насилия ключевые морально-этические постулаты христианской религии.

На фоне указанного парадокса значимыми становятся ценностные ориентации православных священников, оказавшихся в воюющей армии. Мало говорить о прописанных в Священном Писании идеалах. Важно понимать, как конкретный священник, исходя из своего морального опыта, реализует эти идеалы и ценности в повседневной военной реальности.

Изучение ценностных ориентиров и морального опыта православных священников необходимо строить на сочетании нескольких уровней анализа. На уровне взаимодействия социальных институтов армии и церкви необходимо исследовать институциональную включенность священника в армейскую жизнь. Случаи, когда священник оказывается на войне, минуя какие-либо отношения с армией как институтом, происходят, но носят преимущественно случайный характер. Нас в большей степени интересует, как соотносятся между собой индивидуальный моральный опыт священника на войне с институциональными рамками, в которых он вынужден действовать и осуществлять свой моральный выбор. Поэтому именно триада «личное-церковное-армейское» порождает по нашей гипотезе наиболее острые морально-нравственные коллизии в душе человека.

Степень участия священника в армейской жизни может варьироваться. Временная институциональная связь возникает, когда священник контактирует с армией в зоне боевых действий при выполнении пастырских или гуманитарных задач. Такие случаи многократно описаны в различных интервью и воспоминаниях православных священников, которые были в командировках в «горячих точках».

Постоянная институциональная связь характерна для полковых священников (или военных священников в современной терминологии). В этом

случае священник имеет статус представителя церкви в армии, но обладает определенной свободной в рамках армейской жизни (носит церковную одежду, не зависит от правил армейского быта, не подчиняется армейскому уставу и т. д.).

И, наконец, глубокая институциональная связь является более редким и при этом наиболее интересным для изучения явлением. Речь идет о ситуациях, когда священник является частью армейской структуры, имеет воинское звание, носит военную форму и подчиняется уставу. В этом случае возникают потенциально наиболее острые морально значимые ситуации взаимодействия армейских норм и норм религиозной жизни.

Вторым уровнем анализа морального опыта православных священников является исследование конкретных ситуаций вовлечения священника в боевые действия, характер полученного им морального опыта и его рефлексия с последующей трансляцией в виде интервью и воспоминаний. Здесь играет роль относительная глубина включенности статуса военного священника в институт армии. Мы имеем в виду целый ряд формальных практик — ношение военной формы и знаков различия, подчинение военной иерархии внутри религиозной службы армии и ее подчиненность другим иерархиям, возможную степень следования религиозным нормам быта и т. д. В современных армиях мы наблюдаем определенную градацию этой включенности. Если в России военный священник является представителем РПЦ в армии, то, например, в Сербии военные священники имеют офицерские звания, носят стандартную форму и знаки различия. Церковное облачение они одевают только для совершения обрядов или во время религиозных праздников.

Также важна потенциальная степень участия военного священника в боевых действиях. В зависимости от ситуации военный священник может развертываться вместе с частью, к которой он приписан, на театре боевых действий. Степень

же его близости к «передовой» может сильно различаться от случая к случаю. Предельным выражением одного из полюсов этой оси является военный священник, ободряющий солдат прямо на поле боя под вражеским огнем. История войн эпохи Модерна содержит факты и более деятельного участия священников в боевых действиях. Во время войн второй половины XIX в. в русской армии было множество случаев, когда священник шел в бой вместе с солдатами, вооруженный только верой. Корабельные священники погибали или попадали в плен во время Русско-японской войны вместе с экипажами боевых кораблей. В Первую мировую войну военный священник взял в плен вражеский патруль, убедив их сдаться силой проповеди. Но события эти были скорее экстраординарные. Тут следует учесть целый ряд специфических ситуаций, когда степень участия человека в боевых действиях может быстро измениться. Современная война с очень сильно размытой границей между «фронтом» и «тылом» способствует возникновению подобных ситуаций.

Главным же аспектом анализа на этом уровне будет анализ самого морального опыта, получаемого священником на войне. Здесь важна глубина потенциального противоречия между армейской (военной) действительностью и православным вероучением. В виду того, что мы рассматриваем преимущественно представителей РПЦ, то данная проблема изучаться с точки зрения внутреннего согласия конкретного священника со способом и содержанием оправдания войны и армии, принятым в Русской православной церкви.

Такая постановка вопроса об исследовании морального опыта священника на войне позволяет использовать методологию как философии, так и социологии. Из собственно социологических методов следует, прежде всего, назвать инструментарий социологии морали. Согласно К. М. Ольховикову, «моральное и социальное совпадают в границах

различия жизни и смерти».¹ Поэтому ситуация войны или опасности для жизни более ярко демонстрирует моральные аспекты социальной реальности. Мы исходим из того, что социальную реальность формируют поступки. Поступок есть действие, «1) совершаемое в ситуации выбора; 2) затрагивающее потребности и интересы других людей; 3) одобряемое или порицаемое другими вменяемыми индивидами».² Священник в армии и особенно на войне оказывается в фокусе сразу нескольких парадигм выбора и принятия решения. Тайна исповеди может вступать в противоречие с военной целесообразностью, буквальная трактовка Священного Писания вступает в противоречие с функциями солдата на войне и т. д.

Кроме того, так как «проблематичность социологии морали проистекает не столько из внешних факторов, сколько из самого предмета и инструментария, с помощью которого мы его исследуем. <...> Другой спецификой морали, затрудняющей ее социологическое исследование, выступает амбивалентность — мораль реализуется одновременно в общественной и индивидуальной формах сознания».³ Поэтому для преодоления этих трудностей мы стремились к анализу моральных фактов через анализ составляющих их фактов неморальных. «Соединение нескольких неморальных качеств делает действие морально правильным или неправильным. И мы не можем представить два мира, в которых связь неморальных фактов одинакова, а оценка действий с точки зрения моральных свойств раз-

¹ Ольховиков К. М. Социология морали: вопросы теории и выбора стратегии исследования. Екатеринбург: Изд-во Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2003. С. 71.

² Там же. С. 48.

³ Санжеников А. А. На пути устранения теоретических затруднений социологии морали // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2020. Т. 20, № 2. С. 254.

ная. Таким образом, моральные свойства следуют за неморальными».¹

Философская методология, в частности метод классификации, позволила всю выделенную в интервью и воспоминаниях совокупность фактов морального опыта разделить на классы. Основаниями классификации стали степень институциональной включенности священника в армейскую социальную реальность и уточняющие признаки, выявленные на втором уровне анализа. В последнем случае использовался этико-философский анализ, который в данном случае заключался в выявлении риторических и дискурсивных структур текстов личного происхождения, которые свидетельствуют о морально-нравственных процессах, происходящих в личности священника. Этот метод использовался для выявления этических оснований тех или иных поступков, совершенных человеком на войне. С помощью этого метода заполнялись «лакуны» повествования и выявлялись «фигуры умолчания», связанные с рефлексией боевого опыта. Следует отметить, что все использованные интервью являются результатом рефлексии священника, порой длительной, о пережитых на войне событиях. Поэтому без привлечения этико-философского анализа практически невозможно судить о переживании опыта «тогда», а только о его репрезентации «теперь».

Изучение источников показало, что морально значимые для священников ситуации, возникавшие с их участием на войне или в рамках армейской жизни, часто вызывали у них угрызения совести, даже по прошествии времени. Целый ряд ситуаций имели конститутивный для личности священника характер, особенно если возникала прямая опасность для жизни. В этих случаях принятие любого из морально приемлемых решений не влекло явного снижения риска для жизни. То есть священник был вынужден идти на риск для жизни, чтобы

¹ Там же. С. 258.

остаться в рамках привычной для него системы моральных ориентиров.

Наиболее распространенным примером ситуаций, которые долгое время вызвали муки совести, является отправление религиозных таинств в полевых условиях. Религиозные таинства — один из краеугольных камней любой религии, и произвольное нарушение порядка их совершения, по сути, является серьезным нарушением со стороны священника. В ереси он, конечно, обвинен не будет, но такие ситуации вызывают серьезный внутренний конфликт. Например, иерей Андрей Милкин говорит об этом так: «Необходим официальный церковный чин Крещения в полевых условиях. Это чрезвычайно важно, потому что, если честно, совесть священника гложет за то, что он по необходимости сокращает чин Таинства Крещения. Лучше бы это делать вполне канонически правильно, в соответствии с официально определенными правилами».¹ При этом всегда есть искушение списать все на войну и полевые условия, по принципу — «вот вода, вот желающий, ничего не мешает крещению». Однако это очевидно для стороннего наблюдателя. Для самого священника таинства и обряды имеют принципиальное значение, и правильное их совершение вызывает очень яркие переживания: «Невозможно описать словами то особое чувство, которое возникает при совершении Таинства Крещения в полевых условиях <...> почти физически ощущаешь всю полноту Церкви Земной и Небесной, пришедшей к нему, солдату...»² Это пример того, как ситуация войны активно влияет на повседневную деятельность священника. Есть и обратные примеры, когда церковные таинства пытались менять военную реальность. Описание мы находим в воспоминаниях

¹ Шестаков А. Интервью со священником Андреем Милкиным. 2002. URL: <https://nne.ru/interviu-so-sviashchennikom-andreem-milkinym> (дата обращения: 16.03.2022).

² Там же.

протоиерея Олега Стеняева. Речь идет о чине освящения оружия. Эта практика является одной из часто критикуемых со стороны светских противников РПЦ. Условно эта критика заключает в следующем — «освящаете оружие, значит, благословляете на убийство». Олег Стеняев приводит следующую аргументацию: «Когда мы освящаем оружие, это акция ограничительная для применения оружия, а не наоборот. Те, кто нас упрекает, не учитывают, что чин освящения оружия предполагает, что на оружие накладывается некий запрет. Освященное оружие нельзя применять против мирных жителей, против небооруженных людей. Против тех, кто сдаются в плен. А если эти ограничения не выполняются, то это граничит с богохульством».¹ Когда солдаты узнавали об этом (уже после совершения чина), они по-новому (иногда со словами «вот попали!») начинали смотреть на выполнение боевых задач. По сути, это религиозное ограничение часто являлось единственным основанием для лимитирования применения насилия в различных боевых ситуациях. При этом если уставные формы ограничения военного насилия имеют градацию (уровни применения силы), то освящение оружия не может быть отменено или скорректировано — сегодня нельзя стрелять в гражданских, а завтра можно. Отметим, что в ряде армий мира есть уровни применения силы, когда любой встреченный на данной территории человек должен считаться противником, по которому открывают огонь на поражение без предупреждения. Это своего рода перекалывание ответственности с субъекта на некое, часто абстрактно воспринимаемое, «командование» или «приказ». Чин освящения оружия же подчеркивает индивидуальную ответственность. Моральной однозначно-

¹ Потов Н. «Я свидетельствовал о своей вере». Протоиерей Олег Стеняев вспоминает о миссии во время Чеченской кампании. 2016. URL: <https://pravoslavie.ru/94687.html> (дата обращения: 16.03.2022).

сти в этом вопросе нет до сих пор. Согласно мнению протоиерея Михаила Васильева, данный ритуал допустим и необходим даже для ядерного оружия: «Если мы даем благословение, освящая оружие, то только на применение в оборонительных целях».¹ Хотя, добавим от себя, ни о какой избирательности применения здесь речь идти не может.

Ситуации риска для жизни на войне запоминаются на всю жизнь и вызывают наиболее глубокую рефлексию. Для священника риск для жизни является таким же экстраординарным событием, как и для обычного человека. Но рефлексия этих событий окрашивается в цвета религиозного восприятия мира. Прежде всего, пережившие такой опыт описывают своеобразное чувство единения с другими людьми перед лицом смертельной угрозы. Это чувство единения распространяется намного шире конкретной ситуации. Для побывавшего на войне ветераны других войн являются сопричастными этому опыту. Наиболее ярко такой опыт описывает протоиерей Михаил Васильев. Однажды попав под обстрел артиллерии, он и двое солдат начали исповедоваться друг другу перед лицом неизбежной, как они считали, смерти: «Мы в ужасе жмемся друг к другу. Понимаем — все, это конец. Непонятно, когда наступит смерть, но мы чувствуем, что она близко. Я начинаю исповедовать свои грехи этим парням. И вдруг они подхватывают и тоже начинают каяться».²

Даже сама атмосфера в зоне боевых действий вызывает к жизни иное отношение между людьми, в том

¹ Военный священник: нам предлагают отказаться от освящения оружия. 2020. URL: <https://ria.ru/20200220/1564984970.html> (дата обращения: 16.03.2022).

² Баглай К., Васильев М., прот. «Мне сказали по минному полю идти первым» — история священника, который не раз смотрел смерти в глаза. 2022. URL: <https://foma.ru/mne-skazali-po-minnomu-polju-idti-pervym-istorija-svjashhennika-kotoryj-ne-raz-smotrel-smerti-v-glaza.html> (дата обращения: 16.03.2022).

числе между представителями разных конфессий. Практически все священники с военным опытом вспоминают, что на проповедях и богослужениях могли присутствовать солдаты-мусульмане, которые потом так же охотно, как и другие солдаты, брали нателные крестики, Новый Завет и иконки.¹ Иерей Андрей Милкин вспоминает: «Явился полной неожиданностью тот факт, что большинство крещенных мною — татары и башкиры».² Основанием для этого единения является не только совместный опыт, но и принцип общей Родины — «мы ведь тоже Россию защищаем». Необходимо отметить, что данный принцип имеет определенные границы применимости. Если, например, Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. мусульманское население Российской Империи в целом поддерживало, то в ситуации Балканских войн начала XX в. симпатии были уже на стороне Турции, несмотря на то что Россия поддерживала братьев славян.

Сложные в моральном отношении ситуации часто становились своеобразными проверками качеств личности священника. Для военнослужащих характерно восприятие священника с точки зрения его ответственности декларируемым моральным принципам и тому представлению, которое сложилось относительно служителей церкви у окружающих. Протоиерей Михаил Васильев описывает случай, когда при выходе отряда с опасной территории офицер предложил ему первому идти по минному полю: «Логика простая: если священник пройдет — Бог на их стороне, не пройдет — поп „неправильный“ и Бог ему не помог. Значит, и не нужен им такой. „Сломался — несите другого“. Это была такая проверка на прочность молодого. Надеюсь, я ее прошел».³ То есть это была проверка, действительно ли священ-

¹ Попов Н. «Я свидетельствовал о своей вере».

² Шестаков А. Интервью со священником Андреем Милкиным.

³ Баглай К., Васильев М., прот. «Мне сказали по минному полю идти первым»...

нику помогает Бог, и все фразы, что «не исповедимы пути Его» и т. д., здесь бы не сработали.

Подобные ситуации возникали и при контактах с местным населением. Здесь следует учитывать, что большинство из рассмотренных источников повествуют о боевых действиях на территориях, где большинство населения исповедовало ислам. Протоирей Олег Стеняев вспоминает две разноплановые ситуации. Одна из них произошла, когда его микроавтобус с гуманитарной помощью ночью на дороге остановили «боевики». Их уже решили отпустить, но машина никак не заводилась и ситуация начала накаляться. И тогда священник, выпив «для храбрости», завязал разговор с «боевиками» о том, зачем они берут в плен священников? В ходе разговора выяснилось, что в представлении местных есть настоящие и ненастоящие священники, а ему было сказано буквально следующее: «Ты толстый, пьяный и наглый — ты настоящий русский поп. Тебя никто здесь не тронет. Кто тебя тронет, Аллах того накажет».¹ То есть, начав словесную атаку на «боевиков», Олег Стеняев стал соответствовать их представлениям о православном священнике. Инициатором другой ситуации стал уже сам протоиерей, когда в чайхане завязал разговор с местными жителями, которых по ряду признаков можно было заподозрить в принадлежности к «непримиримым». Суть разговора сводилась к тому, что протоиерей объяснял собеседникам значения их имен, а «имя для кавказца, особенно для мусульманина — это ключ к его сердцу».² Тем самым пойдя на риск, священник нашел общую почву для общения с местным населением и укрепил свои позиции в местном социуме. Он проявил духовную силу, а это вызывает большое уважение на Кавказе.

Такие же принципиальные для самоощущения личности православного священника моральные ситуации возникают при попытке совмещения им двух

¹ Попов Н. «Я свидетельствовал о своей вере».

² Там же.

миров — армейского и церковного. Речь идет о священниках, одновременно являющихся действующими офицерами армии. Мы располагаем информацией о двух подобных случаях в новейшей истории постсоветского пространства. Это судьбы настоятеля Свято-Покровского храма города Судака, наместника Свято-Стефано-Сурожского мужского монастыря игумена Никона и отца Дмитрия Тюрина. В обоих случаях священники не являлись специально прикомандированными в армейскую часть военными священниками. Игумен Никон вначале окончил духовную семинарию, а потом по благословлению владыки Крымского Василия окончил военное училище и пошел служить офицером в армию Украины.¹ Отец Дмитрий Тюрин стал священником после увольнения со службы, но после неблагоприятной ситуации в его приходе опять вернулся в армию на офицерскую должность.² В опыте этих офицеров-священников нам интересна их рефлексия над соотношением армейского (и потенциально — военного) и духовно-религиозного. Одно дело, когда военный священник благословляет на ратный подвиг. Но совсем другое, когда ему самому нужно выполнять боевое задание, с большой вероятностью связанное с применением насилия. Какой дисциплине — армейской или церковной — в этом случае должен подчиниться человек?

Отец Дмитрий Тюрин убежден, что «военный священник должен быть из среды военнослужащих. Он должен знать службу не понаслышке, тянуть ту же лямку, есть тот же хлеб, что и все вокруг. Только так можно стать настоящим воспитателем и духовным наставником тех, кто стоит на защите нашего государства».³ Схожим образом рассуждал игумен

¹ Белова С. Шляхтич. Симферополь: Бизнес-Информ, Оригинал-М, 2007. С. 184.

² Дмитриев Ю. Батюшка в погонах. 2012. URL: <https://www.pravoslavie.ru/52743.html> (дата обращения: 16.03.2022).

³ Там же.

Никон, вспоминая о сути своей задачи первого в Украине офицера-священника: «Смысл церковного послушания (поручения) заключался в том, чтобы изучить систему, которая 75 лет правила нашим народом. А чтобы возродить утраченный духовный стержень в воинах, священник должен был знать все, что знали советские замполиты, но работать с этим в другой манере».¹ Таким образом, оба этих священника сходятся во мнении, что «своим» в армии может стать только человек, имеющий непосредственное представление об армейской жизни, испытавший все ее тяготы и т. д.

Рассмотренные выше факты показывают многоаспектную картину взаимодействия церкви, армии и священника в различных военных ситуациях. Временная институциональная связь в виде командировок в зону боевых действий способствует накоплению священником морального опыта взаимодействия не только с военнослужащими, но и с местным населением, которое в не меньшей, а часто и в большей степени страдает от войны. При этом священнослужитель руководствуется этическим принципом равенства всех людей («Нашу задачу мы видели в том, чтобы помогать местному населению и военнослужащим»²), логически вытекающим из представления о равенстве всех перед Богом. Подобный подход позволял священнику наиболее полно реализовать христианский принцип любви к ближнему. Успешность этой деятельности вызывала у священника сильные положительные эмоции, что укрепляло его в вере и давало уверенность, что он поступает правильно («Добро никогда не проходит бесследно в хорошем смысле этого слова»³). При этом следует отметить, что священник является лицом

¹ Памяти игумена Никона (Демьянюка). 2019. URL: <http://feodeparch.com/featured/pamyati-igumena-nikona-demyanyuka.html> (дата обращения: 16.03.2022).

² Попов Н. «Я свидетельствовал о своей вере».

³ Там же.

гражданским, что накладывает отпечаток на его восприятие событий войны и рефлексию полученного морального опыта. Соответственно его отношение к оправданию войны строится на традиционном для РПЦ подходе к данной проблеме — палемодицея через благословение на защиту Отечества, акцент на государстве как субъекте войны и т. д.

Постоянная институциональная связь и пребывание в зоне боевых действий в статусе военного священника давали ему возможность более глубоко сблизиться с армейской средой, понять моральные и духовные потребности военнослужащих («Если военнослужащий увидит во мне в первую очередь человека, а не „непонятного попа“, присланного откуда-то сверху по разнарядке, то и желание прийти в Церковь у него появится»¹). При этом несколько видоизменяются и дополняются этические принципы, на которые ориентируется священник. Актуальными становятся принципы гуманного отношения к поверженному врагу («нельзя пытаться пленных боевиков»²) и этика воинского долга («равно греховно, косит ли человек от супружеского долга или от воинского»³). Более глубокое вхождение в армейскую жизнь приводит к видоизменению понимания священником войны. Помимо традиционных для РПЦ тезисов о защите Отечества и выполнении воинского долга для такого священника становятся актуальными более специфические моменты — отношение к военной службе как работе, учет нюансов, связанных с характером боевых действий (воинский долг можно выполнить по-разному), и т. д. Оправдание войны происходит как бы «само собой» и может вступать в полемику с официальной позицией РПЦ, например, по вопросу о чине освящения оружия.⁴

¹ Баглай К., Васильев М., прот. «Мне сказали по минимуму полю идти первым»...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Военный священник...

Глубокая институциональная связь приводит к необходимости «раздвоения» социального бытия такого священника-офицера (или, точнее, офицера-священника). При этом армейские требования доминируют над церковной дисциплиной. Как вспоминает отец Дмитрий Тюрин (военный летчик): «Меня заставили сбрить бороду».¹ Скорее всего, борода — это только вершина айсберга. Например, игумен Никон (Николай Демьянюк), будучи лейтенантом морской пехоты ВС Украины, наравне с другими военнослужащими занимался боевой подготовкой.² А военная подготовка кроме, собственно, умений и навыков обращения с оружием вырабатывает у человека готовность применять это оружие против другого человека. Доведенные тренировками до автоматизма навыки в бою должны срабатывать раньше сознания, которое может начать рефлексировать над ситуацией и замедлить реакцию, что приведет к ранению или гибели. Поэтому священник, прошедший полноценную боевую подготовку в качестве военнослужащего, становится готов причинять смерть. Такое «удвоение» социального бытия человека приводит к интересным последствиям для его морального состояния. Среди этических принципов такого священника появляются принципы, более характерные для армии, нежели для церкви. Отец Дмитрий Тюрин (единственный из рассмотренных священников) ориентируется на концепцию христолюбивого воинства, которая сформировалась в России во второй половине XIX в. («Убежден, что безбожная армия России не нужна. Должно быть христолюбивое воинство российское, которое будет защищать внешние рубежи Родины как хранительницы святой православной веры. Как хранительницы русского нравственного менталитета»³). Основным историче-

ским содержанием этой концепции являются следующие тезисы: верность православному государю, обращение к исторической памяти и нетерпимость к врагам истинной веры.¹ Современное же ее прочтение предполагает, в том числе, готовность быть активным субъектом военных действий, так как значимую часть современных военных доктрин составляют концепции превентивных ударов. Другими словами, не только ответные действия на агрессию являются одобряемыми, но и поступки, предотвращающие нападение. Особенно это актуально в случае применения оружия массового поражения, когда превентивный обезоруживающий удар может стать единственным способом избежать массовой гибели собственного населения.

---

¹ Более подробнее об этом см. нашу статью: *Луньков А. С.* Концепция «христолюбивого воинства» в российском богословском и философском дискурсах XIX в. как феномен политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 3. С. 101–111.

---

¹ *Дмитриев Ю.* Батюшка в погонах

² Памяти игумена Никона (Демьянюка).

³ *Дмитриев Ю.* Батюшка в погонах.